

Алексей Нос

Труп

Алексей Нос

Труп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24123873

ISBN 9785448520440

Аннотация

Детективная история с элементами мистики и фантастики разворачивается на фоне древних домов центра Одессы. Справятся ли красавица-журналистка и супермен из милиции с небывалым наплывом бандитов и диверсантов?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	46
Глава 8	55
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Труп

Алексей Нос

© Алексей Нос, 2017

ISBN 978-5-4485-2044-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

Труп «образовался» внезапно. Майор Иван Сергеевич Петров как раз накрошил лучка в пакет с тюлечкой и нарезал «черного». За стол он сел первый раз за день, и прибыл на службу как раз с трупа предыдущего. По дороге купил и тюлечки. Но, как говорится, «не судьба».

Не то чтобы трупы в Приморском районе Одессы «образовывались» строго по расписанию, в соответствии со спущенным сверху планом, но этот был особо неприятным. Во-первых, он не давал поесть, но было и второе.

Вот предыдущий трупешник был плановый такой «бытовичек». Бывший боцман портофлота Иван Петрович Серегин отмечал со своей сожительницей Люськой, по паспорту – Людмилой Витольдовной Скоморох, получение пенсии. Дело происходило на общей кухне гигантской коммуналки, и все орудия преступления были под рукой.

С чего начался скандал, плавно переросший в драку, Люська вспомнить не смогла. Однако она успела трижды

ткнуть сожителя большим разделочным ножом «в область груди и живота». После чего Петрович схватил топор для разделки мяса и погнал «любимую» по длинному двадцатиметровому коридору «коммуны» в сторону выходной двери. Но сил своих Петрович не рассчитал и, пробежав еще три пролета вниз по широкой лестнице, скончался от огорчения.

Крови, правда, с него натекло «как со свиньи». Майор Петров, как режут свиней, никогда не видел, но «бытовичков» подобных этому он посмотрелся и считал себя в курсе дела.

Неопрятными каплями кровавая полоса начиналась на грязных скрипучих досках кухни, тянулась по еще более грязным доскам коридора и выходила на лестничную площадку. Здесь происходила некая метаморфоза. Не с кровью, конечно, все более широкая полоса ее тянулось как раз до пролета между третьим и вторым этажами, превращаясь в месте упокоения Петровича в лужу. Присутствовал на месте и сам убиенный, глядя удивленными глазами в лестничные ступени. То есть с кровью и Петровичем все было в порядке. Некоторое удивление постороннего наблюдателя могли вызвать сами ступени.

Широченные из белого мрамора, они казались рядом с Петровичем пришельцами из другого мира. Но майор Пет-

ров был в курсе реалий города и знал о мраморе главное – окровавленный он очень скользкий.

Таких домов в центре Одессы море. Барские хоромы постепенно превращались в доходные дома, Потом революционный пролетариат делил их на коммуналки. Потом в них размещали конторы. Потом опять делили на коммуны или выдавали особо ценным труженикам партии. Мрамор все это пережил. Конечно, ступени вытирались десятками тысяч ног и серели, углы их были отбиты, но они пережили все.

Последние годы «коммуны» начали расселять. Старый мрамор меняют на новый. Бригады крикливых молдавских штукатуров делают свое дело, и новые владельцы въезжают в шикарные апартаменты. Зачастую на этаже остается одна квартира, тогда на дверях в подъезд ставится домофон и подъезд и его не бедные жильцы начинают жить мирной и спокойной жизнью. Но случаются и варианты когда на одной площадке расположены шикарные десятикомнатные апартаменты и коммуналка на десять семей.

Сам Петров бедным не был, И жил как раз в подъезде с домофоном. Две комнаты ему оставила бабушка. Две он добавил самостоятельно, отселив в «места не столь отдаленные», асоциальных элементов.

«Туарег» Петрову помог приобрести папаша вундеркинда пойманного с пакетом конопли. Пакет майор потерял, за что и был наказан выговором. На фоне остальной милиции города Петров был честнейшим человеком. А тюлечка это так, просто любил Петров ее с лучком.

Так вот, Петров предпочитал бывать по вызовам в домах обшарпанных. Тут тебе Люська, тут труп ее сожителя, тут кровь на мраморе, и целый подъезд свидетелей. Все конечно по протоколу и времени занимает много, но к концу дня дело раскрыто.

А вот в дома с домофонами на вызовы Петров ездить не любил. Не простые там все жильцы, все с «подвовывертом». У каждого в бумажнике пачка визиток. Прокуроры, ведущие радио, судьи все кто в той или иной форме может быть опасен менту при исполнении, значатся на них. Толстая пачка денег намекает, что владелец бумажника личность положительная и влиятельная. С деньгами их обладатель обычно расставаться не спешит, предпочитая попытаться «порешать» дела в телефонном режиме.

Как раз в такой домик и был последний вызов.

Заботливо отреставрированная лепнина фасада и сверкающие стеклопакеты в дубовых рамах не понравились Петро-

ву сразу. Но сам труп не понравился майору еще больше. Тело находилось на площадке первого этажа, но телом, по существу, не являлось. Можно попытаться назвать это «останками», но и это слово слабо определяло фарш из костей и мяса лежащий на новеньком итальянском мраморе. Особенно Петрову не понравились ошметки мяса и кровь на пятиметровом потолке, и серый глаз в куче кроваво-серого мозга на полу.

Петров курил перед домом, и тюльки ему пока не хотелось.

Глава 2

«Второй глаз жертвы вдавлен в глубину тканей головного мозга – читал с утра отчет криминалиста Петров – Кости черепа на месте обнаружения тела не обнаружены – вот гад, подумал Петров, еще и версию выдвигает, что все это откуда-то привезли. Или принесли, привычно поправил себя майор – Половую принадлежность жертвы установить не удалось. Тело вместе с кожным покровом, внутренними органами и костными тканями каким-то образом преобразовано в однородную субстанцию. Метод получения данной субстанции современной науке не известен». Вот сволочь, Иванов, убью я тебя – решил майор Петров.

Иван Иванович Иванов был алкоголиком и криминалистом. Его всегда покрытое суточной щетиной лицо украшали умные осоловелые глаза и очки в тонкой оправе желтого цвета. Пить Иванов начинал прямо с утра, едва добравшись до склянки с «конторским» спиртом. Щетина, неизменно присутствующая на его лице, служила предметом постоянного обсуждения и споров всего отделения – она никогда не отрастала и не исчезала. Лично Петров был убежден, что Иванов просто бреется по вечерам. Так сказать «для, оставившей его двадцать лет назад, жены», но в споры не вступал и самого Ивана Ивановича, ни о чем не спрашивал. В запои

Иванов никогда не впадал, специалистом считался хорошим и его не увольняли, позволяя дотянуть до пенсии.

«Что мы имеем в результате поквартирного обхода?» – задумался Петров. Результаты были не так, чтоб нулевыми, но и особо не впечатляли.

А именно – Петров имел пятьсот долларов от компании сильно пьяной золотой молодежи в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет. Причем, как он понял, деньги дали не за то, что он ничего не заметил, а чтобы быстрее отстал – дело стремительно приближалось к сексу.

Петров умел и любил одеваться, следил за модой и отлично знал цены на вещи модных дизайнерских домов. Оценив до копейки то небольшое из одежды, что еще оставалось на чреслах мальчиков и девочек, он поначалу хотел поискать еще марихуану долларов на пятьсот, но решил не портить праздник и не связываться.

Вторым результатом стало личное знакомство с журналисткой Катей Шмель, ведущей под псевдонимом Бджола Гламура колонку «Боевой Листок» в газете «Желтая звезда».

Газета освещала светскую жизнь города и описывала происхождения звезд местного бомонда и прочих известных мер-

завцев, и вся с первой до последней страницы была посвящена гадким сплетням. Однако самые грязные и мерзкие из них размещал именно «Боевой листок» Бджолы Гламура.

Со своей полосы Катя смотрела на читателя в образе Анки-пулеметчицы, рвущейся в атаку прямо из бани. То есть кроме буденовки и пулеметной ленты, абсолютно не прикрывавшей спелые груди и едва прикрывавшей пах, на ней ничего не было. Но очереди в своих текстах она выдавала такие, что престарелую учительницу, если бы ей на глаза попалась газета, немедленно хватили бы insult, инфаркт и родимчик в одном флаконе. И ни один врач из знаменитой «Еврейской» больницы не смог бы ей помочь.

Катя специализировалась в первую очередь на сексуальных скандалах, случившихся во время светских тусовок. Она точно знала где, кого, когда и, главное, за что жестоко трахнут. Это и давало ей основную пищу для творческих экзерсисов. Впрочем, она была достаточно свободна в выборе тем и иногда начинала бороться с властью, а иногда спасать поголовье желтых полосатиков.

В тот вечер по стильному халатику и мятому лицу Петров сразу понял, что своим звонком вытащил Бджолу из постели. Катя долго пыталась понять кто перед ней, потом кто она, где её документы, где она сама, где коньяк, где все-таки

документы... Потом сообщила, что ничего не знает, знать не хочет и, вообще, идите вы все. После чего дала визитку и попросила звонить в любое удобное время. Майор Петров сильно подозревал, что удобного времени для него у светской львицы не найдется, но плюнул на это и откланялся.

В двух других квартирах никого не оказалось. А проживали в них, согласно данным внезапно эмигрировавшего в «Бюро миграции» паспортного стола Алоиз Васильевич Вайнсброд и Виолета Панасовна Панасюк.

Замечательно. Не известно вообще кто убит, как убит, кем убит, за что убит и где убит. Обширные сведения, подумал майор.

– Пойду убивать Иванова, принял он твердое решение.

Глава 3

«Я убью тебя лодочник» – пропел майор Петров, входя в лабораторию, хриплым голосом Пугачева. Ему почему-то казалось, что именно этим голосом знаменитый атаман исполнял свой коронный шлягер «Сарынь на кичку!».

Особенно в этом древнем призыве майору Петрову нравилась именно «кичка». И его кабинет оглашался атаманским ревом после каждого закрытого дела. А дел этих за майором числилось не мало. Он давно заработал славу крепкого и очень въедливого сыскаря. Был у начальства на очень хорошем счету. За это ему и прощали мелкие шалости.

Преступный мир к сыщику относился тоже с уважением. Петров редко выбивал показания и подкидывал улики. Делал он такие вещи исключительно в отношении всякой шелупони. Людей же уважаемых он «давил» уликами настоящими, извлекая их из таких потайных мест, что у «братвы» глаза на лоб лезли. «Ну, Богом клянусь, никому!» – правильно, то есть, постоянно крестясь кулаком с тремя отогнутыми на правильные углы пальцами, выполняя распальцовку, кричал угрюмый сиделец. « Не сам же я себя?!». И верно – не сам. Это Петров тебя прижал и упек. И главное в рамках правил все. И обижаться не на что. По городу ходили упор-

ные слухи, что у майора бывают видения.

Иван Иванович Иванов сидел за столом, заставленным какими-то ретортами. Среди химической посуды размещался потертый ноутбук, в который он тыкал одним пальцем. Глаза Иванова были тусклы, щетина на лице отливала серебром. Рубаха криминалиста была помята. В воздухе витал устойчивый запах спирта.

Иван Иванович был наследственным алкоголиком в четвертом поколении. Прадедом его был действительный статский советник, профессор Петербургского университета и член-корреспондент Сорбонны Феодосий Поликарпович Иванов. Дедом – известный советский микробиолог, многократный лауреат сталинских премий и прочих наград академик Порфирий Феодосеевич Иванов. Отец – Иван Порфирьевич Иванов был ректором университета, лауреатом Государственной премии, и много печатал работ в зарубежных научных изданиях. Все три знаменитых ученых пивали ежедневно, по многу и начинали пить всегда с утра. И только их несчастный отпрыск, сохранив те же привычки, оказался на довольно скромной должности криминалиста. Жены светил науки пивали со знаменитыми мужьями наравне и по тем же правилам, но следа в науке не оставили. Причиной тому было занятие ведением домашнего хозяйства при помощи домработниц и горничных. Горничной у кримина-

листа не было, жена ушла двадцать лет назад – рубаха его была помята.

Не то чтобы Иванов нуждался. Доходный дом, принадлежавший прадеду на улице Маразлиевской, правда, отобрали. Но академическую и профессорскую квартиру, обе на Дерibasовской, он сохранил. В одной жил сам, вторую сдавал под представительство американской компании. Но горничной не держал, рубах не гладил, и все неформальные просьбы исполнял исключительно «за стакан».

– Ваня, ну что за фигня? – задал первый вопрос Петров. – Что это, Ваня? Вот это: «Метод получения данной субстанции современной науке не известен». Я же тебя, Иван, знаю хорошо и понимаю, что слово «современной» в тексте оказалось не случайно. Колись, Ваня, колись.

– За стакан?

– За стакан.

Рассказ Ивана был плавен и достаточно долог. «Понимаешь, Вань, – сказал Петрову Иванов – изобретение подобного агрегата, во все времена было, так сказать, золотой мечтой человечества. Да, да – ответил он на недоверчивый взгляд Петрова. Мысль о том, что слишком много людишек развелось, не давала человечеству покоя еще со времен зарождения.

Ну, в начале-то попроще было. Дубиной по башке трахнул. Труп в овраг. Проблема утилизации отходов человеческой жизнедеятельности решена. Но потом сложнее стало. Первое и второе разделение труда, ну и так далее. Ты при СССР учился – сам в курсе. Короче стал народ сбиваться в крупные стаи. А тут, то мор, то война и трупов куча в одном месте. А от трупов новый мор, и новая куча. И хоронить их негде – земля-то частная. Вот и решали по месту, что делать. Кто жег, кто топил, кто в шахты сбрасывал. Много короче способов было придумано. Ты в курсе, что в катакомбах под Парижем с конца восемнадцатого века накопились кости шести миллионов человек. Штабелями они там лежат. Короче, технологии массового захоронения людей востребованы давно и прочно.

Ну, с началом века гуманизма, мировых войн и высоких технологий – продолжил Иванов – появилась потребность и в средствах массового уничтожения. А значит и еще более массового захоронения. И разрабатывались они по-всякому и много чего придумали. Тут и газ «Циклон – Б» и крематории, и много там всякого вплоть до ядерной бомбы. А здесь, Вань, ты представь только – два в одном и уничтожил и к захоронению подготовил высокотехнологично.

Поэтому и у Гитлера и у Сталина такие разработки навер-

няка велись. Что-то стало проектом, а что-то и нет, но действующие пробные экземплярики могли и сохраниться где-то. На каких принципах они действовали и действовали ли вообще, я судить не берусь, но что попытки их создать были уверен.

Почему до ума и промышленного применения не довели? Думаю потому, что никто из вождей в возмездие не верил, и предпочитали они, чтобы дешево и побольше. Но суд в Нюрнберге состоялся. И заметь, Вань, трупы главных казненных уничтожили так, чтобы никто и никогда единой частички от них не нашел. Это от людей-то официально по приговору суда казненных.

Ну и «Вервольф» припомни – ставку Гитлера под Винницей. Четырнадцать тысяч строителей и ни одного, ни среди живых, ни среди мертвых. И кости заметь ни одной. Говорят, в озерах перетопили. Глубокие, мол, озера – исследовать невозможно. Марианскую впадину возможно, а озера нет.

Ты, Вань, наш старый ментовский принцип: «Нету тела, нету дела» помнишь? От то-то. Буду уже сокращаться.

Дело Гонгадзе помнишь? В двухтысячном дело было. Нашли в лесу под Киевом трупик прикопанный. Без головы заметь, Вань, и обожженный, да два месяца в земле. Экспер-

тиза. Вот он. И сели, Вань, такие генералы сели.... А у нас, что? Подключил наш аппаратик к канализации, например, и ищи там потом гены.

Короче, аппарат способный такое с телом совершить никто и нигде официально не заказывал. Но разработки наверняка велись и ведутся. И действующие образцы существовать могут.

Ты «Пикник на обочине» гуманистов Стругацких помнишь? Припомни-ка тогда и «мясокрутку» из него. Витали, Ваня, мысли-то, витали. Да и витают, наверняка».

Иванов закончил. За время монолога его лицо осунулось, и скорей всего, не только от падения уровня спирта в крови.

– Ну, ты круто задвинул – сказал Петров – но я обдумую. Но давай для начала чего попроще. Например, а взрывчаткой такого эффекта достичь можно?

– «Нет ничего невозможного, Ваня, для человека с интеллектом – припомнил классику Иванов. Но нету там, во всем фарше, ни одной молекулы взрывчатки, проверено. – Иванов неожиданно задумался – А ты про «Зеленую глину» слышал?

Глава 4

При словах «зеленая глина» в мыслях Петрова возник образ огромной «пятки» Чуйской анаши. Но Иванов был алко-голиком, и этот образ пришлось отбросить.

– Нет, не слышал.

– Ну, правильно, Вань, откуда тебе слышать? Но это уже не за стакан тут посидеть нужно. Пойдем в «Гамбринус»? Посидим, поговорим, тюлечка опять – же – соблазнял Иванов.

Походы с Ивановым, куда-либо, были весьма чреватые крупными неприятностями, но время шло к шести, рассказ и намеки Иванова его подогрели и Петров согласился.

Помните ли вы стоявшие на каждом квартале старой Одессы стеклянные ларьки, называемые здесь будками. У каждой будки очередь из трех – четырех пенсионеров со стеклянными двухлитровыми сифонами. Эти ларьки торговали исключительно газированной водой без сиропа – одна копейка стакан, с сиропом три копейки – стакан. Был еще вариант за пять копеек взять с двойным сиропом, но он осуществлялся крайне редко. И с сиропом-то газировка доста-

валась не каждый день. Почему? – сейчас объяснить сложно. То ли родители считали, что она крайне вредна, то ли считалось, что отказывая детям в маленьких и дешевых радостях, из них растят настоящих строителей коммунизма. За десять копеек сифон заполнялся водой без газа.

Вот эти прозрачные сифоны и привычка заполнять их в будках, а не из-под крана и прикручивая баллончик углекислоты, были одним из отличительных признаков старой Одессы. Возможно, сейчас кто-то скажет, что точно такие будки стояли, скажем, в Туапсе. Очень возможно, я в Туапсе не бывал. В Москве и Питере таких не было.

С приходом перестройки эти безобидные и прекрасные будки куда-то исчезли. Вместе с ними исчезли и теснившиеся дверь к двери мастерские по ремонту одежды, обуви и кожгалантереи.

В советское время фактически это были подпольные цеха, снабжавшие весь СССР «фирменными» джинсами, с широким ремнем, оборудованным уже, по истине, огромной пряжкой с надписью «JAZZ». Все эти признаки старой Одессы исчезли напрочь. Теперь дверь к двери стоят сверкающие стеклом и неоном бутики, торгующие самыми известными брендами мира.

Многие считают, что те самые мастерские никуда не исчезли, а просто, расширив производство, переехали в здания пустующих НИИ и заводов и теперь снабжают эти бутики. Возможно. Но не знаю, и врать не буду.

Так вот – все это исчезло, а «Гамбринус» остался. Он пережил все войны и революции, ежедневную, а то и ежечасную смену власти в годы гражданской войны и интервенции.

Создается неуловимое ощущение, что «Гамбринус» был всегда, а Одесса к нему потихоньку пристраивалась.

Мало кто помнит, что нынешний подвальчик в бывшей гостинице «Франция» это третья реинкарнация знаменитой пивной, однако все они находились в трех минутах ходьбы одна от другой, и соответственно на таком же расстоянии от нынешнего Приморского, недавно Жовтневого управления милиции.

Именно в это заведение и отправились сослуживцы. Назвать друзьями в полном смысле слова Петрова с Ивановым было нельзя, но взаимным уважением и доверием они в своем маленьком коллективе пользовались.

Сводчатые потолки, приглушенный свет, хорошее обслуживание, что еще нужно усталому менту.

По вечерам играет живая музыка. Есть даже скрипач, не тот конечно безжалостно убитый Куприным, но возможно тоже Сашка.

Раки и любые морепродукты, салаты, закуски, горячее. Сейчас в «Гамбринусе» есть все, но, как известно, Петров любил тюлечку.

Что может быть прекрасней этой мелкой рыбки, известной в иных местах как килька, если посолили ее буквально вчера, и выловили тоже. Сегодня же лоснящейся горкой она лежит на тарелке посыпанная мелко порезанным зеленым и репчатым лучком и сбрызнутая знаменитым пахучим подсолнечным маслом с «Привоза».

Впрочем, Петров тюлечку любил, и на его тарелке вместо горки лежала настоящая гора этой мелкой и пахучей рыбки.

Товарищи взяли сразу по два пива, и пока эта янтарная жидкость не исчезла в их желудках вместе с изрядным количеством мелких рыбок, о делах не говорили.

Потом взяли еще по два, и Петров попросил рассказ о «Зеленой глине» все-таки продолжить.

«Есть, Вань, в интернете разные самые сайтики. На любой прямо вкус. Ну, типа кто-то любит тюлечку, а кто-то корюшку. А кое-кто, Вань, взрывчатку на дому любит изготавливать.

И так этим изготовителям в нашем мире одиноко, что они вынуждены единомышленников себе не на улице, а в сети искать. Те, кто на это дело поставлен, естественно, сайтики эти ищут и дают. А они новые открывают, и пока сайтик не придавили, рецептики с него уже по всей сети разлетелись.

Тут недавно один студент американский выложил в сеть чертеж пистолета, который сканеры в аэропорту не обнаруживают, а напечатать его можно дома на 3-D принтере. Так вот пока чертеж с сайта снесли, его успели скопировать несколько тысяч раз. Короче, ты понял, о чем я.

У меня к таким сайтам интерес профессиональный и я их почитываю. С год, примерно, назад один бразильский студент-химик выложил рецепт собственной взрывчатки. Язык в Бразилии португальский и название было излишне цветистым, поэтому в русскоязычной части интернета его быстренько переименовали в «Зеленую глину».

Все ингредиенты для изготовления продаются в ближайшем хозяйственном магазине, важна технология изготов-

ления. Её-то студент и разработал. Таких рецептов в сети пруд – пруди.

Собственно, почему я о ней вспомнил – в результате взрывной реакции конечными продуктами являются азот, кислород и углекислый газ. Больше вообще ничего.

Именно из этих элементов и состоит воздух. Обнаружить следы такой взрывчатки совершенно невозможно.

Причем образуются все эти элементы в кристаллическом, то есть твердом виде, и являются поражающими элементами наравне с взрывной волной, многократно усиливая поражающий эффект. После кристаллики испаряются, и всё. Кристалликов этих много-много. Теоретически могли и нашинковать».

– А практически могли? – задал вопрос Петров.

– Тут эксперимент нужен.

– Проведи.

– Ты с ума сошел? – догадался Иванов.

– У тебя же рецепт есть – не сдавался Петров.

– Но это незаконно.

– Ваня, я тебя сейчас убивать просто буду. Про вот это «незаконно» ты прокурорским расскажешь, а я тебя прошу ответ мне дать по «делу» между прочим.

Иванов задумался.

– Ладно, по это не стакан и даже не бутылка. Это пять бутылок.

– Договорились.

Товарищи допили пиво, и перешли на водку, изрядное количество которой майор криминалисту уже задолжал....

Проснулся, если так можно назвать выпадение из полной комы, Петров в пять утра.

Кроме бухающего изнутри по черепу молота чем, несомненно, занимались темные демоны пьяных застолий, по тем же несчастным черепным костям стучали и собственные воспоминания.

Вот Иванов собирается домой, а Петров его не отпускает,

предлагая взять девок и поехать в готель «Зірка» где, как известно, сдают номера на час.

Вот Иванов куда-то исчезает, и в «Зірку» Петров предлагает проехаться официантке, причем немедленно и под угрозами страшных кар.

Вот его браво и четко забирает присланный из родного райотдела патруль.

Вот тот же патруль за углом пытается вежливо усадить его в такси. Но вежливо не получается.

Петров упирается и предлагает навестить «Зірку» всем коллективом, предварительно захватив девок у гостиницы «Красная».

Дальше провал.

Проснулся, слава Богу, дома.

Разжевав две таблетки анальгина, «молот» в голове Петров несколько унял. Теперь больше всего донимал ком неясного происхождения в носоглотке, который поочередно нос и глотку перекрывал. От этого хотелось блевать и беспрестанно курить, что Петров и делал, ясно осознавая, что имен-

но от курева-то ком и появляется. С этим поделаться было уже ничего решительно нельзя и нужно было дожидаться вечерних возлияний. Во всяком случае, сам Петров других методов не знал. Теперь необходимо хоть как-то привести себя в порядок и отправляться на службу.

«Товарищ майор, вас немедленно, немедленно вызывает к себе полковник. Повторить слово немедленно дважды приказ самого полковника Сухова» – браво доложил дежурный капитан, существенно усилив головную боль Петрова.

Глава 5

– Стало быть, Вы предполагаете, что по нашему благословенному городу носится маньяк с мясорубкой, рассчитанной на перемол быка с рогами, или студент – полковник Сухов демонстративно приоткрыл папку, как бы подглядывая – гм, из Бразилии с пластидом кустарного изготовления. И, вот значит, эти двое... – Полковник Сухов покинул свое кресло и сидел прямо напротив бледного от вчерашних изысков Петрова.

– И вот значит эти двое...

– Один, товарищ полковник.

– Ко – то – рый? – по слогам произнес Сухов.

– Не могу знать.

– Ну, и не перебивай.

– Так вот, майор, результаты твоей работы я вижу так: Предположительно жертва убита и тело переработано специальным устройством для таких манипуляций. Либо все это совершено при помощи взрывчатки. Либо убийство и пе-

переработка это два разных события. Производилось все это на некоем нам не известном полигоне. После чего останки тела в переработанном виде.... Так.... В оперативных докладах приказываю использовать слово «фарш». И так: «фарш» был доставлен в город и примерно в пять часов вечера занесен в закрывающийся на кодовый замок подъезд элитного дома. И никто ничего не видел. Ты меня поправь, Петров, если я чего не так сказал.

– Я не уверен, товарищ полковник, что манипуляции с телом осуществлялись на полигоне.

– А где? В старом карьере? Петров ты размер той мясорубки себе представляешь? А мощность взрыва в тротиловом эквиваленте? Майор, доложи мне немедленно: Там дом-то на месте?

– Так точно, товарищ полковник.

– Фу – театрально утерев пот со лба, произнес полковник Сухов.

– Ну и кто у нас потерпевший? – продолжил он.

– Предположительно один из жильцов дома либо Алоиз Васильевич Вайнсброд, либо Виолета Панасовна Панасюк.

Сухов встал, прошел к сейфу и, закрыв его от майора спиной, открыл дверцу. К столу он вернулся с половиной стакана коньяку и молча, поставил его перед майором.

– А почему собственно один из жильцов дома? Майор, у тебя сколько трупов-то?

Петров поперхнулся коньяком.

– Да ты пей, Ванечка, один у тебя трупик. Один одинешенек. Дедушка тут поработал, информацию собрал для внучка. Документики кое-какие дедушка достал. Жизнью при этом рискуя. Где же они документики-то затерялись?

Полковник начал переставлять на своем столе письменные приборы и телефоны.

– Дедушка старенький. Положит и забудет. А не вывернуть ли мне карманчики? Ой, в папочке-то дедушка и не посмотрел еще.

Перед Петровым на стол лег свежий номер «Желтой Звезды» с его собственной фотографией на развороте.

На фотографии майор был слегка взъерошен. Форменная

рубаха, побывавшая до этого на двух убийствах, была слегка не свежа. На лбу майора серебрилось несколько капель пота. Майор стоял в проеме двери.

«Камера у нее в коридоре, и хорошая камера» – с тоской подумал майор.

«Представьте себе мои кисоньки, мои лапоньки и красотульки – начинала свою статью Бджола – что вы трудились весь день. Вы потели в солярии и на тренажерах фитнес центра. Вы вынесли все муки от косоруких парикмахеров и педикюрш и вот, наконец, освеженная душем вы чисты, легки и воздушны. Вы очаровательны и нежны. И в этот самый момент вам предложили выпить коньяк «Одна звезда» за углом, из горла, на троих.

Именно так и почувствовала себя автор этих строк, увидев жалкую звезду на погоне несчастного майора. – Убью суку! Решил Петров. – Зачем же, рыбоньки мои, явилась к хозяйке нашего салона этот жалкая пародия на комиссара Катани, больше похожая на Пуаро? Конечно же, за помощью.

В соседнем не элитном районе было совершено ужасное убийство и эти доморощенные пинкертонеры решили, что жертвой может быть наша обожаемая Принцесса Виола, наша лапушка и красавица, звезда элитных дискотек. Я не ста-

ла им помогать. Каждый должен честно обрабатывать свои жалкие копейки. А Виола, после их отъезда вернулась из средиземноморского турне». Далее шло описание шикарного путешествия Виолы.

Принцесса Виола более известная в районе готеля «Зірка» под именем Зузу Петрову была известна. От остальных она отличалась тем, что приходила только с африканцами, и действительно несколько раз выходила замуж за африканских царьков из числа студентов одесских вузов. Последнее, что о ней слышал Петров, что очередной бой-френд выгнал ее со своего сухогруза в Марселе, и она добирается на перекладных. Просто Петров никогда не заглядывал в ее паспорт, а ей ни разу не пришлось в голову представиться гражданкой Панасюк.

– Ну что, сынок, в твоих глазах я вижу страстное желание опросить свидетельницу. Опрос провести за пределами нашего учреждения. До утра в отделении не появляться. С утра ко мне и чтобы как огурец. Исполнять!

Петров вышел на улицу. По Греческой еще дул утренний бриз. Легкий ветерок придавал некую свежесть мыслям. Поеду в «Шторм» решил Петров, поработаю по рецептам Бджолы Гламура.

Огромный и сверхсекретный завод оборудования для подводных лодок в настоящее время предоставлял услуги фитнес-банного обслуживания для населения. Находился комплекс, по понятиям Петрова, почти, что за городом на Черемушках. Но с организмом что-то нужно было делать, и Петров решился на дальний вояж.

Потеряв на тренажерах и в сауне два литра липкого, какого-то больного пота и возместив их двумя литрами неплохо снимающей интоксикацию минералки «Поляна Квасова» майор несколько приободрился. Пора было готовиться к работе со свидетельницей.

Звонить Кате Шмель Петров даже не пытался. «Кто предупрежден, тот вооружен», а оружия давать ей в руки он не хотел. Поэтому майор решил ее вылавливать при помощи колумниста чуть менее гадкого, но столь же желтого издания «Страсти» Савы Годного.

Родился, Сава в неблагополучном районе «Сахалинчик» мальчиком хрупкой телесной и душевной организации и его огромные глаза с болью смотрели на окружающий мир.

За это под глазами периодически возникали синяки.

Сава искренно ненавидел весь «Сахалинчик» в целом

и каждого его представителя в отдельности. Следует отметить, что окружающие отвечали ему взаимностью.

Когда же мальчик начал пописывать, тучи сгустились над головой подростка не на шутку.

Петрову удалось тогда отбить окровавленную тушку у разъяренной толпы одноклассников, соседей, соседок их родителей и просто случайных прохожих. За что он был награжден признательностью Сава и презрением остальных.

Подросший, потолстевший, и облысевший Сава все свое творчество посвятил обливанию грязью каждого человека встреченного им на жизненном пути.

Он даже умудрился тиснуть в одном из центральных журналов повесть, в которой с тщательностью подлинного натуралиста препарировал свои воспоминания о детстве и юности.

Все имена и фамилии были подлинными. Автор несколько погрешил против истины в освещении собственной роли в событиях, но фактура была настоящей.

Подросшим и ставшим бизнесменами, врачами, начальниками, да и просто родителями одноклассникам не очень

нравилось вспоминать о первых опытах онанизма и внезапном поносе на уроке природоведения во втором классе.

Впрочем, воспоминания о юности были еще более грязны.

Сава снял квартиру вдали от «Сахалинчика», на улицу старался не выходить и передвигался по ней только короткими перебежками в ночи. Взгляд его одичал. Но писать он не бросил, и каждый день приобретал новых смертельных врагов.

Скорее всего, Петров был единственным обладателем номера его мобильного телефона. Хотя Сава и менял этот номер примерно раз в три дня.

По телефону майор выяснил места наиболее вероятного появления Кати Шмель на сегодняшнюю ночь. То есть те тусовки, на которых ожидалось наиболее грязные и отвратительные скандалы с сексуальным подтекстом.

Посчитав, что пока ему делать нечего, Петров отправился домой готовиться к вечерней охоте.

Глава 6

Катя Шмель с самого детства, была эталоном вкуса, красоты и богатства. Действительно красивый ребенок был упакован в болгарские пеленки и перемещался на своей первой иномарке – коляске производства ГДР.

Шмель папа, или как его звали друзья – Старый Шмель был капитаном крупного советского сухогруза и, бороздя просторы морей и океанов, старался как можно реже бывать дома.

Дома капали исключительно «деревянные», с первым же гудком корабельной серены отходящего судна «капель» усиливалась и состояла уже из СКВ, или как тогда называли из инвалюты.

Капало, на самом деле, что в рублях, что в инвалюте, по сравнению с моряками других стран обидно мало.

По этой причине абсолютно все моряки торгового флота СССР были вовлечены в чудовищный оборот сделок по купле и перепродаже, грозивший в ином случае и тюремным заключением.

Вернее грозил он в любом случае – существовали уголовные статьи за предпринимательскую деятельность и спекуляцию. Однако уполномоченные на контроль органы, в большинстве случаев закрывали на это глаза. Так было удобно вербовать всех подряд, начиная с капитана и замполита судна до самого последнего судового плотника. Реальные процессы возникали лишь над непокорными, либо уж слишком обнаглевшими моряками, начавшими поставлять иностранный ширпотреб, и вывозить богатства Родины в поистине промышленных масштабах.

У обычного моряка к богатствам Родины в первую очередь относилась водка. Что такое водка, и что она должна быть СПИ, то есть иметь на этикетке эмблему советской внешнеторговой организации «СоюзПлодоИмпорт», одесский ребенок узнавал примерно лет в пять.

Далее в списке богатств, шла икра, обязательно черная, обязательно в баночке с осетром и надписью «caviar».

Далее шли русско-советские сувениры: марки, значки, вымпелы, и наконец, матрешки. Приобрести в свободной продаже в портовых городах страны матрешку было абсолютно нереально.

Количество разрешенного к вывозу «для личных потреб-

ностей» товара было строго ограничено.

Все эти богатства родины следовало реализовать в портах развитых капиталистических стран. Покупать, что-либо в этих портах не следовало. Это просто не имело смысла.

В портах стран «недоразвитых» например, во Вьетнаме или Африке продать можно было буквально все. В ход шли ножницы, нитки иголки, тушенка. Абсолютно все.

Моряки меняли даже робу, а некоторые умудрялись выставить на обмен ношенные трусы и носки.

Вы спросите, что же можно приобрести за ношенные с крепким матросским духом носки? Ну, например посмертную маску африканского вождя, выдолбленную из черного дерева. Проданная в СССР такая маска могла обеспечить моряка носками на пятилетку, при условии, что менять их будет ежедневно, а грязные выбрасывать.

Вырученные в развитых странах деньги и свои кровные суточные тратить следовало на Тайване и в Сингапуре. Китай и прочие Индонезии в те времена в списке стран производителей отсутствовали напрочь. Товары развитых стран были качественны, дороги, и не давали при перепродаже достаточной маржи. Все «фирмовые» джинсы «Made in the

USA», майки с портретом Джона Леннона и очки с наклейкой флага Италии или Канады в половину «очка» были произведены именно в этих двух странах.

Произведя все эти полулегальные сделки, моряки возвращались в СССР нагруженные как ослики. На берегу в дело вступали их жены.

Дело не в том, что моряки не любили своих подруг. Причина была в другом: Пойманный на спекуляции моряк автоматически лишался визы, а, следовательно, и средств существования всей семьи. Если же ловили его жену, обычно она отделялась выговором, на профсоюзном собрании который ей выносили подруги, которых не поймали вчера, но вполне могли поймать завтра.

Катина мама – милая интеллигентная Раиса Петровна, в обычное время учитель литературы, превращалась в торговую хабалку и выходила на «толчек».

«Толчек» или «Толкучка» – стихийный и абсолютно незаконный рынок по продаже промышленных товаров существовал далеко не в каждом городе СССР. В Одессе существовал.

Внешняя стихийность торговли, по всей видимости, была

отлично организована на уровне партийных хозяйственных и правоохранительных органов. Во всяком случае, обычно в дни облав ни продавцов, ни покупателей на ней не было. Если же очередной пустырь, где шла торговля, закрывали, то уже на следующий день все заинтересованные стороны отлично знали, куда следует приходить теперь. Коррупция, рэкет, теневая экономика и связанные с ней бандитизм и заказные убийства существовали уже тогда.

Впрочем, Раису Петровну это касалось мало. Заплатив «кому надо» она мирно сбывала привезенный мужем товар, реализуя формулу деньги – товар – деньги.

О, одесская «толкучка» тех времен. Толкучка в полном смысле этого слова. Никаких торговых рядов. Товар у продавцов в сумках, и нужно спрашивать, что есть. Наверное, несколько тысяч человек в ограниченном пространстве хаотично передвигаются, торгуются, покупают, продают. А ты ростом по пояс взрослому человеку держишься за мамину руку и больше всего боишься потеряться. Такие чувства, наверное, испытывает вчера подобранный на улице щенок на первой прогулке с хозяином. Мама, что-то покупает. Тебя же за все мучения и ужас в конце мероприятия ожидает пачка жвачки «Peppermint» купленная за два рубля, фантастические на тот момент для пацана деньги.

У Кати жвачка была всегда. А еще шлепанцы из яркой резины на толстой подошве, называемые в Одессе «сланцами», заливчатая юбочка, майка с изображением Эйфелевой башни и надписью «Paris». Под юбочкой узенькие трусики с надписью «Monday» на все дни недели. Остальные трусы из набора «неделька» Раиса Петровна продавала в розницу, объясняя дочери, что иначе остальные девочки останутся без трусиков. На светские мероприятия, например в театр, Катя имела джинсы и кроссовки «Romika».

А еще папа привозил журналы «Burda» с выкройками. Журналы тоже являлись товаром и продавались швеям по пятьдесят рублей, но Катя успевала их внимательно изучить, и отлично разбиралась в том, что действительно модно за границей.

Распродав товары, Раиса Петровна вновь становилась учительницей литературы, и привила дочери отличный вкус к поэзии. Старый Шмель «гудел», но всегда не очень громко, и дочь свою любил.

Катя хорошо училась и выросла милым интеллигентным ребенком из обеспеченной семьи.

Первый звонок, что что-то не так прозвенел примерно лет в четырнадцать. Тогда её вечного рыцаря и, как думала

Катя, будущего мужа Ромку, с невероятной легкостью увела разбитная Веерка с прыщами на лице, из параллельного класса.

Оглянувшись, Катя поняла, что «тургеневские девушки» не в моде. Что, не смотря на свою красоту, среди парней она особым успехом не пользуется, а пользуются те, что «дают». Однако сама мысль о том, что бы дать вот так просто без любви была ей противна. Катя была умна и вскоре приняла вид «дам, но не вам». Веерка была посрамлена, а парни стали бегать толпами.

Катя же научилась делать вид «чтобы меня добиться, нужно не только хорошо заплатить, но и очень постараться» и двинулась по жизни. Один раз она побывала замужем за молодым капитаном, но рассталась с ним без особой жалости. В постели он был чрезвычайно груб, да и капитаны уже переставали быть пределом мечты.

Все эти достоинства прямой дорогой привели ее в «Желтую Звезду».

Она стала завсегдаем светских тусовок, пати и прочих разнузданных необузданностей. Также за ней закрепилась слава гуру резких выражений и оценок. Именно ей приписывают авторство фразы «Одет на триста долларов вместе

с женой и ребенком, а туда же.».

Начав вести колонку, Катя осмысленно оглупила свою речь, чтобы «комнатные болонки» богатых «папиков» были от нее без ума.

Однако «тургеневская девушка» продолжала бунтовать, и в глубине души Кате настолько было неприятно тусоваться с людьми, с которыми и выпить противно, что это преобразовалось в своеобразную манию. В сумочке Кати все время лежало несколько пачек влажных салфеток, да не простых, а с бактерицидным эффектом и она постоянно вытирала ими руки.

Сегодня она была на перформансе пятидесятилетнего «молодого художника» Митрохина. Это был квартирник, с толпой старых мудаков, вычитавших где-то фразу «антигламур это гламурно» и щеголявших в реально кирзовых армейских ботинках, драных джинсах, тертых косухах, и потрясавших давно поседевшими хвостами своих волос.

Из спиртного подавали дешевое разливное вино, которое в пятилитровых баклагах стояло на столе в кухне. Наливать вино следовало самостоятельно. Стаканы были одноразовыми. Чистых стаканов не было.

В освобожденной от мебели комнате на стене весела единственная картина.

На ней Тарас Григорьевич Шевченко в гитлеровских усах, соломенной шляпке и абсолютно голый испражнялся посреди свалки. Полотно называлось «Светлый путь».

Придя на квартирник, следовало подойти, постоять несколько минут и произнести «концептуально». А Кате еще и протереть руки салфеткой.

Пришла на это мероприятия Катя в надежде застучать двух известных борцов за нравственность, за гомосексуальными утехами в сортире. Педерасты были уже на месте, но пока надирались винищем, и Кате было скучно.

Глава 7

Катя скучала.

Посетители действия предпочитали набираться красненьким и ей совсем не интересовались. «Впрочем, это к лучшему – подумала Катя – Такой кунсткамеры старых пердунов во всей Одессе больше не найти».

Был среди посетителей и один помоложе, зачистивший в последнее время на телевидение борец с развратом. Но в данный момент он потягивал красное, плотоядно обводил языком губы и с вожделием поглядывал на депутата, выстроившего на той, же борьбе всю свою карьеру.

Дверь распахнулась. Вошел мужчина, глядя на которого Катя решила, что он ошибся дверью.

Тысяча шестьсот восемьдесят три доллара, профессионально оценила Катя. Неплохо для легких брюк, туфель и рубахи с коротким рукавом. Нормально так. Укладку явно сделали в хорошей парикмахерской. Сильные руки. Кисти с длинными пальцами. Маникюр в порядке. Сейчас он уйдет – решила Катя.

Но он не ушел. Подошел к картине, постоял пару минут произнес «концептуально» и отошел.

Катя заметила, как он вытер руки носовым платком в кармане. Заглянул на кухню, слегка поморщился и направился к ней:

– Вина я вам не предлагаю.

– А что предлагаете?

– Хотите стихи: В когтях седого наркомана ты бьешься птичкой в сетях.

– Пока твой муж, от страсти пьяный, танцует танго на косяках – закончила Катя. Любите «Серебряный век»?

– Только самое лучшее. Моя первая любовь его просто обожала, а мне хотелось соответствовать.

И так у него это естественно получилось, и улыбка была такая хорошая, что она простила ему некоторую бестактность, заключающуюся в упоминании другой дамы.

– Разрешите представиться – Иван.

– Очень рада, Катя.

– Как Вам, Катя, плотно?

– Концептуально.

– Да бросьте, Катя. Это же мазня, попытка вылезти куда-то вверх за счет чужой славы. Впрочем, в данном случае – Иван оглядел уже изрядно набравшегося автора – и вверху-то только крышка гроба.

Катя позволила себе полуулыбку.

Они потрепались еще минут пятнадцать, причем Катя взяла себе на заметку несколько очень свежих и едких характеристик гостей. Впоследствии она их вставит в свои репортажи.

Вскоре молодое дарование, в очередной раз плотоядно облизнув губы, скрылось в коридоре. За ним выскользнул депутат.

Планировка квартиры была такой, что в коридоре располагалась дверь в довольно большой совмещенный санузел, за ней дверь в кухню и далее выходная дверь.

– Я на минуточку – сказала Катя, приготовив фотоаппарат, и вышла следом. Возвращаться она не собиралась.

Примерно через три минуты в коридоре появился Иван. Катя маялась под дверью туалета. Дверь была закрыта изнутри на довольно крепкий крючок, а в щель ничего не было видно.

«Проблемы? – спросил Иван – Дама хочет пи-пи!» С этими словами он рванул дверь на себя, оборвав крючок, и прошёл в кухню.

Несколько минут из коридора раздавались истошный визг, потом стук женских каблуков и хлопок выходной двери. И тут же: « Держи суку!!!!!!!».

Депутат с голым торсом неся к входной двери и неожиданно наткнулся на выходящего с огромным стаканом вина из кухни Ивана. Большая часть вина выплеснулась депутату в лицо, но несколько капель попало и на белую рубашку Ивана.

– Любезнейший, нельзя ли поосторожней!

– Отойди, я депутат!

– Боюсь, что ненадолго.

– Ах, ты быдло!!!!

Покрытые рыжим волосом пальцы депутата потянулись к горлу Ивана. Глаза Ивана обежали потолок, на предмет поиска камер слежения, и удовлетворенно опустились. Резким ударом правой руки он сломал депутату челюсть.

Челюсть была сломана окончательно и бесповоротно, никто в мире уже никогда не сможет ее собрать. Шикарная керамическая челюсть, изготовленная в Израиле по слепкам, сделанным в лучшем стоматологическом центре на Садовой. Челюсть, за которую были заплачены гигантские деньги, просто перестала существовать.

Депутат настолько опешил, что молча, наблюдал, как наглец развернулся и просто ушел из квартиры.

Забегая вперед, скажу, что «Желтая звезда» появилась в продаже в восемь утра. К этому моменту депутат успел распусть слухи о своем самоубийстве и уехать в Израиль. Позже и молодое дарование покинуло страну, и тусуется теперь у памятника Кириллу и Мефодию.

Выскочив на улицу, Катя бросилась за угол, прыгнула в такси и помчалась в редакцию.

Там она загрузила снимки, написала к ним сопроводительный текст, отправила редактору и успокоилась только тогда, когда из печатной машины начали выходить первые экземпляры номера.

Домой она возвращалась около одиннадцати. Решила пройтись пешком. Благословенный центр таил в себе мало опасностей. Дневная жара несколько спала, ветерок немного охлаждал кожу лица и в воздухе разливался волшебный аромат одесской ночи.

Возле подъезда она заметила «Туарег», которого раньше здесь не видела, но особого внимания не обратила пока не подошла ближе.

Водительская дверь была открыта. На сидении боком, вытянув ноги, сидел Иван. На торпедо лежал явно не дешевый букет из красных роз.

Иван вышел, вынул букет, протянул его Кате и, приятно улыбнувшись, сказал: «Добрый вечер».

Катя настолько опешила, что букет взяла. Однако скоро опомнилась и сказала:

– Иван, я не давала Вам свой адрес.

– Ошибаетесь, Екатерина Алексеевна, не только давали, но и велели обращаться в любое время. – Иван опять улыбнулся – Вот я и воспользовался.

Он протянул Кате ее визитку и формально представился: «Майор Петров».

Лицо у Кати на минуту стало пунцовым, но она скоро справилась с собой и сказала:

– Если у Вас есть ко мне вопросы, вызывайте повесткой в отделение.

– Ну, зачем же так формально, Катя? Вы ведь разрешили мне так себя называть?

Он вздохнул, наклонился в машину, вынул оттуда пакет с тремя бутылками прекрасного шампанского, захлопнул дверь, поставил машину на сигнализацию и с лукавой улыбкой сказал: «Катюша, угостите меня, пожалуйста, кофе. Целый день во рту маковой росинки не было». Катя не смогла отказать.

Целоваться они начали еще в подъезде. Примерно на том

месте, где недавно лежало то, что полковник Сухов велел именовать, лаконичным и безнадежным словом «фарш». Потом целовались на лестнице, потом возле двери. В коридоре Катей неожиданно овладела ее фобия, и она выпалила: «Ты чистый?»»

Через пять минут Петров чистый – только, что из ванной и Катя в её прекрасной постели грязно занимались сексом.

Не то, чтобы Петров не знал других слов для названия этого занятия, но до любви было еще далеко, а грязи придавали Катины крики.

Ну, скажите мне, кто из нас слышал из родительской спальни истошные крики, визг и хохот дикой гиены? Откуда взялась эта ужасная мода? Из немецких порнофильмов, которые устремились к нам вслед за видеомангитофонами? Из опыта общения с проститутками, и мыслей, что если она не орет, значит со мной, что-то не так? Нет ответа.

Минут через десять Петров попросил Катю этот концерт прекратить, и она благодарно отдалась своим ощущениям, тревожа ночь лишь довольно тихими вздохами.

«Его руки и губы шарили по всему ее телу, выискивая каждую складочку способную принести удовольствие...» –

примерно так Катя бы описала эти ощущения в своем «Боевом листке».

На самом деле никто нигде не шарил. Петров и так знал все эти складочки наизусть. И когда примерно через двадцать минут она хрипло выдохнула, хрипло выдохнула еще раз и откинулась на подушки, самодовольно подумал: «Как ты там писала – несчастный майор...».

Потом они пили шампанское. Потом опять занимались сексом. Еще и еще, и это действие все ближе приближалось к слову «любовь».

Глава 8

С утра в кабинете Сухова от Петрова просто разило огуречным лосьоном. Бутылочку этой зеленой жидкости белорусского производства он с большим трудом сумел отыскать в парфюмерных точках Одессы. Но сказано «как огурец», значит как огурец.

Полковник Сухов юмор оценил, но пока никакого вида не подавал. Кроме того в чистом тоне белорусского парфюма ему чудилась некая посторонняя нота. Какая именно нота – он пока не определился и основные выводы отложил на потом.

– Докладывай, майор.

За утренним кофе и яичницей с почеревком, именуемым в иных местах беконом, Петров действительно успел немного обсудить с Катей и дела служебные, поэтому минимальную информацию имел.

– Жертвой преступления предположительно является Алоиз Васильевич Вайнсброд. 1976 года рождения, уроженец города Рязань.

Согласно полученным от соседей сведениям Вайнсброд работает моряком на кораблях иностранных судовладельцев, или, как говорят в Одессе, «ходит под флагом».

Режим работы четыре месяца в море, четыре на берегу. Это позволяет предположить, что Вайнсброд относится к старшему или высшему офицерскому составу. Однако его специальность, звание, и компания в которой он работает на настоящий момент не установлены.

– Крюинговые компании проверял?

– Еще нет, товарищ полковник. Запланировал на сегодня. Хотя, конечно, этих контор, которые вербуют моряков «под флаг» сейчас в городе видимо невидимо. Хорошо если Вайнсброд устраивался через приличную компанию, которая не только вербует, но и отслеживает трудовой путь. Но существует и огромное количество подвальных контор, которые обеспокоены в первую очередь тем как содрать деньги с желающего уйти в море. В результате моряк пристраивается на полуразвалившийся корабль под флагом, каких ни будь Островов Зеленого Мыса. Сумеет ли он дотянуть до следующего порта никому не известно. За исключением судовладельца. Да и то в том случае если судовладелец убежден, что корабль обязательно утонет, и единственным смыслом рейса является получение страховой премии.

– Ну, в такие конторы обращаются в основном моряки, имеющие далеко не идеальный послужной список. Пьяницы, дебоширы, неуживчивые люди, а так же те, кому немедленно нужно покинуть Одесский берег из-за проблем с законом. Что по Вайнсброду есть сведения позволяющие предположить, что он мог обратиться в такую компанию?

– Послужной список его пока неизвестен. Но сведения, полученные от соседей, таких предположений сделать не позволяют. Соседями Вайнсброд характеризуется в целом положительно. Доброжелателен. Всегда поздоровается, а при необходимости и пообщается несколько минут. В гости, правда, никого не звал, и сам не ходил. В целом общение на уровне: здравствуйте – до свидания. Но пьяным его никто, никогда не видел. Шумных компаний он не водил. Вернее не водил никаких компаний. А еще вернее будет сказать, что никто из соседей, за все время проживания Вайнсброта в доме, ни разу не видел, чтобы к нему пришел хотя бы один человек.

– Занятная личность.

– Личность мне его, товарищ полковник, чем-то очень не нравится. Чем пока сказать не могу. Будем считать предчувствие.

– Так, предчувствия на потом. Сейчас факты.

– Фактов пока не особо много. Я тут сегодня с утра на квартиру к Вайнсброду зашел...

– Это как это зашел? Без санкции, без ничего?

– Вы же знаете, товарищ полковник, что скажет прокурор: «Заявления нет, тела нет – оснований нет». Все, как положено: «нету тела – нету дела».

– Ладно. Что там на квартире?

– Ни-че-го – Петров осмысленно растянул это слово. Квартира чистенькая. Грязной посуды в раковине нет. Пыли на полках нет. В корзине для грязного белья одна пара носков. В носках ничего нет.

Взгляд Сухова невольно лег на холеные с идеальным маникюром руки Петрова. Тот остановился.

– Продолжай.

– В квартире выполнен качественный ремонт, который принято сейчас называть «евро». Носильные вещи в шкафах

качественные. Не самых дорогих, но достаточно известных брендов. Подбор литературы достаточно стандартен для наших дней – в основном нашумевшие бестселлеры последних двух лет. Набор бытовой техники стандартен. Если из квартиры убрать носильные вещи она станет безликой как номер в гостинице. Компьютера в квартире нет. Фотографий нет. Ни одной. Каких либо сувениров свидетельствующих о том, что в квартире живет моряк, тоже нет. Знаете, всякие там кораллы в серванте, барометры на стене, африканские маски. Нет даже Набора из кувшина и чашек в форме рыб, который можно найти в каждой второй квартире города. Спиртного в квартире нет. Вообще.

– Трезвенник?

– Или алкоголик. Тем не менее, ни первое, ни второе заявление не подтверждаются. Согласно показаниям соседки Вайнсброда Екатерины Алексеевны Шмель, ее сосед, во время пребывания на берегу, регулярно посещал ресторан «КлараБара». Да, что там регулярно. Он просто ходил туда как на работу. Приходил к открытию, и уходил после обеда, перед ужином. Примерно в пять часов вечера, он возвращался домой, и обычно, больше никуда не выходил.

– Интересное местечко.

Местечко действительно было интересным.

Ресторан «КлараБара» находится прямо в Городском Саду на Дерибасовской.

Горсад постоянно наполнен самым разным народом. Тут и своеобразный вернисаж, на котором продают картины местных художников, различные одесские сувениры, значки и атрибутику разных эпох. Тут и стайки туристов – горсад, подаренный в свое время городу братом того самого Дерибаса – Феликсом, является одной из основных туристических достопримечательностей города.

Сюда в беседку постоянно приезжают фотографироваться женихи и невесты.

Через горсад проходят многие пешие маршруты для выхода из одного района центра в другой, впрочем, об этом знают только одесситы.

В общем, жизнь кипит.

И тут же, даже не в двух шагах, а прямо тут же, тихий ресторан, покой и качественное обслуживание. Летом работает открытая терраса, на которой разрешено курить за столом, что в наше время для многих не маловажно.

В том же здании находятся апартаменты. Когда-то с другой стороны здания на Преображенской улице находились Центральные театральные кассы. Впрочем, улица тогда называлась Советской Армии, и никакой «КларыБары» в помине не было.

Теперь же все поменялось. Есть ли там театральные кассы? – на этот вопрос ответит не каждый. А вот на вопрос: где находится «КлараБара»? – ответ вы получите у любого одессита.

Место очень удобное для желающих с кем-либо встретиться, оставшись незамеченным.

– Шпионские страсти? – спросил Сухов.

– Или криминальные. Хотя, может быть человек просто любил, потягивая кофе наблюдать за толпой – ответил Петров. – Нужно проверять.

– Так иди и проверяй.

– Есть. Разрешите идти?

– Иди.

И тут Сухов вспомнил, что за нотка вплеталась в аромат огуречного лосьона. Это был запах весьма популярной парфюмированной воды «Daisy» от Marc Jacobs

– Петров!

– Да, товарищ полковник?

– Если я увижу в «Желтой Звезде» серию фоторепортажей: «Сексуальные утехи никчемного мента» ты у меня выговором не отделаешься. Я прикажу установить стенд «Они позорят милицию». Понятно?

– Этого не произойдет, товарищ полковник!

Он очень хотел верить, что этого не произойдет.

Глава 9

Первым делом Петров связался с чиновниками от образования. Не то чтобы они очень хотели помочь правоохранительным органам, но у всех есть шаловливые дети и племянники, а некоторые и сами детских шалостей не оставили. Петров никогда не был излишне жесток, и действовал в поле убеждений, что преступление, несомненно, должно быть наказано, но вовсе не обязательно тюрьмой и общественным остракизмом. По этой причине примерно через два часа ему удалось получить сведения о том, что Алоиз Васильевич Вайнсброд на территории Одесской области и Украины вообще морским специальностям никогда не обучался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.